

Ольга Боянова
Боги и Люди

истории про человеческих богов
и благородных людей



Ольга Боянова
Боги и Люди. Истории
про человеческих богов
и благородных людей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33168657
ISBN 9785449079107

Аннотация

Мысль обладает удивительным свойством: она может проникать в будущее и даже преобразовывать его желательным для нас образом, но она может также проникать и сквозь толщу веков, высвечивая силой своей энергии события, лица и характеры людей и их Богов. Ещё не родились знакомые нам по учебникам истории князь Олег и Игорь, княгиня Ольга, и не пришли на Русь царствовать Рюриковичи, а наши пращуры жили и творили, неся в себе искру Сварога, героизм Перуна, мудрость Макоши, любовь Ярилы и Лёли.

Содержание

ОТ АВТОРА	8
СКАЗКА-ЗАЧИН	10
СКАЗКА О ТОМ, КАК МАЛУША БРАТА ВЫРУЧИЛА	36
СКАЗКА О ТОМ, КАК ЯРИЛО В ЛЮБВИ ПОМОГ	58
СКАЗКА О ТОМ, КАК ИСТЮ БОГОМ ОБЪЯВИЛИ	69
ЛЕГЕНДА О ГОРЕ КАРАСОВА	87
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Боги и Люди
Истории про человеческих
богов и благородных людей

Ольга Боянова

© Ольга Боянова, 2019

ISBN 978-5-4490-7910-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ольга Боянова



БОГИ И ЛЮДИ

ИСТОРИИ ПРО ЧЕЛОВЕЧНЫХ БГОВ
И БЛАГОРОДНЫХ ЛЮДЕЙ





ОТ АВТОРА

Это лето выдалось холодное и дождливое. В дачном до-мике пригоршни дождя стучали в окна, потрескивали горя-щие дрова в печке, живые тени метались по углам, и стран-ным образом, вроде как ниоткуда, лёгким туманом вполза-ли неясные ленивые мысли: «Что было здесь раньше? А ещё раньше? А совсем-совсем не сейчас?»

И вот, поддавшись этому настроению, мой давний друг неожиданно пустился в воспоминания:

– Когда-то давно я обследовал русло речушки Паленьги, у нас, в Архангельской области, если кто не знает. Лето было не в пример этому жаркое, и комары звенели, не переставая. А вечерами мы всей компанией собирались за самоваром. Душой этого застолья был дед Матвей, местный сказитель и ведун. Потягивая душистый чай, он рассказывал, скорее пел, разные былички. Слушал я деда вполуха, но потом стало интересно, даже кое-что записал...

– Так вот однажды, – интригуяюще продолжил он.

Но в это время дверь распахнулась, ворвались соседские дети и прямо с порога стали кричать:

– Что вы тут сидите! Дождь давно перестал! Идёмте закат смотреть!

И очарование вечера исчезло.

Но странным образом история нашла продолжение. Друг зашёл ко мне перед отъездом в город:

– Я нашёл тут тетрадки с записями сказок деда из Паленьги, возьми, может, напечатаешь когда...

Приехала домой. Наступил вечер. Читать нечего, по телевизору опять страшилки показывают. Случайно наткнулась на тетрадки, перевязанные бечёвкой. С сомнением развернула первую, полистала и начала читать, не отрываясь, читала до утра.

Мир древних славян и мир Родных Богов открылся мне через эти необыкновенные былички, что то ли пел, то ли рассказывал дед Матвей, старый житель потаённого Севера.

Я приглашаю и вас, Путник, к путешествию по волшебному миру Северной Сказки.

Ольга Боянова

СКАЗКА-ЗАЧИН

«О ТОМ, КАК ВСЁ БЫЛО»

Короткое северное лето близилось к концу. Уже и смеркаться стало раньше, и холодком с реки тянуло. Я уже подписывал этикетки, упаковывал свои летние находки, укладывал и запечатывал их в ящики. Близилось расставанье. Было жаль, что всё заканчивается. Встретимся ли когда? Вряд ли. Моё настроение передалось всем, почему-то пошли разговоры о жизненных кругах, что всё уже было, и что будет, тоже было...

Вдруг Славка, любимый дедов внук, встрепенулся от неожиданной мысли и тут же озвучил то, что пришло в голову:

– Дед, а расскажи, как всё это начиналось. Ведь было же когда-то это самое-самое начало?

Дед Матвей отозвался не сразу. Вопрос-то внучок задал непростой. Но положение обязывает. Из глубин памяти дед извлёк нужную историю. Огладил усы и бороду. И прозвучало долгожданное:

– *А дело было так...*

СКАЗКА-ЗАЧИН
О ТОМ, КАК ВСЁ БЫЛО



А начиналось всё намного раньше. Род, Отец Всего Сущего, любовно осматривал своё творение – Землю, и прикидывал, всё ли он сделал, как нужно. Долго любовался её горами

и лесами, реками и полями, радуясь, что создал такую красоту. Однако вскоре ему стало казаться, что на земле чего-то не хватает. Тогда он призвал своего сына Сварога.

– Взгляни-ка, Сварог, чего-то здесь явно не хватает.

– Ну-ка, пригляжусь. Родина, тобой созданная, похожа на яйцо. Мир Нави ограждает всех нас от Хаоса-Утгарда, после него – мир Яви, в середине – мир Прави. Мировое Дерево соединяет эти миры, камень Алатьрь хранит все сокровенные знания. Тут всё ладно, Отец! – Сварог внимательно присмотрелся к творению Рода.

– Нет, подумай-ка ты получше. Сваргань что-нибудь, как ты можешь!

– Знаешь, Отец, я бы добавил небеса, чтобы было где ходить дозором, Землю-красавицу охранять.

– Ну, это проще простого сделать. Сколько нужно? Семи хватит?

Сварог стал прикидывать.

– Добавь ещё два, – запасливый Сварог любил, чтобы всего было вдоволь.

– А не жадничаешь?

– Так, это как считать. Для Хорса, Бога Солнца, простор нужен. Где он будет колесницу гонять?

– Нужен.

– А для Дивии-Луны? Кто будет светить, когда её брат

Хорс спать отправится?

- Луна-Дивия. Да, и ей нужно, где гулять по ночам.
- А Звёзды куда пристроить? Им тоже место нужно.
- Да, желающих много найдётся, только разреши.
- Вот я и говорю: семь и два про запас.
- Хорошо, пусть так будет. Теперь всё сделано?

Сварог внимательно взгляделся.

– Как-то всё равно пустовато. Сотвори-ка людей, чтобы были чем-то похожи на Богов, ну и заодно ещё всяких зверей и птиц.

– Ладушки, – усмехнулся Род в пышные усы и начал собирать вокруг себя камешки разные по виду и размерам, что остались после сотворения Земли, а потом стал бросать их вниз. И пока камешки летели, они обращались то в людей – мужчин и женщин, а то во всяких животных и птиц, которые тут же разбегались и разлетались. А люди поднимались и изумлённо оглядывались, не понимая, кто они, не зная, что делать.

– Какие-то они бестолковые, бродят туда-сюда, – сердито изрёк Сварог некоторое время спустя и добавил: – Дело бы им дать.

– Это как?

– А вот если закрутить-оживить Землю, чтобы менялись у них день и ночь, зима и лето, было бы у них дел полно – одно убрать, другое достать.

– И это ладно, труд на пользу! – погладил Род белую бороду. – Но ведь нам с тобой здесь помощь нужна будет, только мужская да женская сила вместе смогут это проверить.

– Придётся Макошь с её клубочками и веретёнами звать, – задумчиво протянул Сварог. – Она сможет.

Позвали. Макошь выслушала мужчин.

– Значит, раскрутить-оживить вам нужно эту неподвижную Землю? – и, тонко улыбнувшись, ловко насадила клубок на веретено. – Вот вам, дорогие мои, маленький образец. Что в малом, то и в большом. Вот теперь этот клубок ось имеет. Как я это веретено закрутила вместе с клубком, так крути, Сварог, этот новый мир вокруг оси, на добрые вечные времена.

– А вот так! – ответил Сварог, одним движением создал земную ось и лёгким толчком оживил Землю, привёл в движение. – Вот теперь будет порядок: день и ночь, лето и зима будут приходить и уходить, а Мать – сыра Земля будет, в свою очередь, порождать новую жизнь.

– Только за этим порядком надо следить!

– Кто придумал, тому и выполнять! – заулыбался Род. – Будешь, Сварог, Небесным Отцом рода людского, следить за порядком, награждать трудолюбивых, да карать лентяев. Но справедливо!

Молчаливый Сварог просто кивнул, принимая на себя эту задачу. Надо так надо!

Род и Сварог ещё понаблюдали, как люди себя ведут. Сварог опять начал хмуриться.

– Сброшу-ка я им кое-какие вещи, пусть делом займутся.

Сбросил клещи и молоток, научил, как работать с железом. Но снова Сварогу не понравился результат.

– Какие-то они ленивые. Едят, пьют и спят. Ну, ещё детей рожают. Не таким я вижу мир людей.

– А какими они должны быть? – поинтересовался Род.

– Любознательными, созидающими новое, творцами своей жизни. И они должны дорожить тем, что создали, сотворили своим умом и руками. Вот взгляни хотя бы на то, что я им дал и научил делать. Они же так этим и пользуются, ничего не меняя, делают всё именно так, как я научил, ничего не улучшая.

– А если это, что они имеют, всё отобрать? – предложил Род. – Сами-то смогут что-то сделать?

– Это мысль! – восхитился Сварог и забрал назад свои подарки.

Стали Боги наблюдать, что будет дальше.

Оставшись без орудий труда, люди стали мастерить похожие. Сделали из камня и палки молоток. Научились поддерживать огонь, вспыхнувший после удара молнии в ствол дерева, стали приручать диких животных и использовать их для поддержания жизни, что стало у людей самой главной задачей.

– Вот теперь, похоже, зашевелились! – воскликнул довольно Сварог. – А почему это случилось, как ты думаешь? – обратился он к Роду.

Тот слегка наморщил лоб, размышляя.

– Так. Что сделали мы? Отобрав имеющееся, мы нарушили состояние покоя и вызвали у людей опасения за свою жизнь. Эти опасения заставили их начать творить и созидать новое. Пойдём дальше. Отберём то, что сделали они на этот раз, – продолжил рассуждения Род.

– Да, им нужны испытания, чтобы они росли духовно, – поддержал его Сварог, который теперь считал своим личным долгом заботиться о человечестве.

Боги долго не думали и устроили большое наводнение. Опять люди остались ни с чем. Но теперь они уже знали, что нужно делать, чтобы достичь прежнего и даже большего.

– Вот она, тайна развития людей! Разрушать старое, чтобы создать новое! Любят покой, но опасаются его потерять – значит, будут придумывать что-то новенькое, – покивал головой Род, улыбаясь в пышные усы.

– Ну, а я же почаще буду своим молотом по камню Алатырь стучать, – пообещал Сварог. – Я заметил, что, если искра от этого удара попадает в человека, в груди его навсегда загорается огонь творчества, и новое они уже творят не от страха, а для радости своей и людей вокруг.

– Да, и называют люди этот огонь «искрой Божьей», – заулыбался Род, даже с некоторой гордостью посмотрев на сы-

на.

– А скажи, Отец, вот что. Ты ведь ничего просто так не за- теваешь, на всё мысль долгую закладываешь. Творчество важно, но это ведь не конечная цель. Зачем вообще люди-то живут на земле, в чём смысл-то?

– А это, сын мой, мы пока обсуждать с тобой не будем, – легко махнул рукой Род. – Сейчас важно научить их отличать плохое от хорошего.

Сварог кивнул, что-то обдумывая.

– Люди ведь пригляд требуют постоянный! – выдал на- конец своё беспокойство Сварог. – Как днём, так и ночью. Хо- рошо ещё, что Светлые Боги живут в одном месте – в Прави, Тёмные – в другом, в Нави, а люди посередине, в Яви.

– Да, сын, так хорошо получилось, правильно, – согласно покачал головой Род. – А нам теперь нужно создать такое орудие, которое бы время от времени людской покой нару- шало. Это для тебя работа, Сварог. Ты у нас мастер на все руки.

– А зачем? Ты, Род, Отец Всего Сущего, уже всё создал. Взгляни, что у тебя получилось. Светлые Боги предлагают людям путь Прави, движение вперёд и вверх. А Тёмные Бо- ги искушают остановиться, а то и назад повернуть. Испыта- ния и те и другие устраивают, для пользы дела, как раз-таки покой-застой нарушают. Каждому человеку предоставляется выбор, в какую сторону дороги идти, и как быстро. Вот их и швыряет туда-сюда. Люди склонны поддаваться, слу-

шать и принимать любые советы, что хорошие, что плохие. Но в результате они выбирают что-то новое, третье, своё. Вот и вся и тайна творчества и развития!

– И опять ты правильно сказал! Но ещё Всевышний, что послал меня в эту часть Хаоса наводить порядок, предупредил меня, что Порядок и, особенно, Беспорядок, требуют, чтобы ими управляли!

– Так назначь того, кто будет воеводить посылом вперёд, а кто – останавливать да придерживать, чтобы не очень-то разгонялись. Сам знаешь, если колесо пойдёт в разнос, то лучше, кабы и вовсе не ехало.

Твои сыновья, Белобог и Чернобог, как раз и обладают нужными качествами. Всем друг от друга отличаются, вечно спорят, а Чернобог любит озорничать. Помнишь историю, как они в сад за яблоками лазили? Это же Чернобог всё выдумал, а Белобог его отговаривал, объяснял, как это неправильно по чужим садам лазить!

– Да, всё правильно. Они были так и задуманы, и созданы в начале времён. Близнецы, а противоположные! – Род задумчиво взглянул на Сварога. – Вот и дело им нашлось, как раз по их силам великим.

– Их противостояние – вот тот двигатель, что вечно будет толкать людей к развитию, – рубанул Сварог рукой, как отрезал.

– Подумаю, – почти согласился Род.

Сварог продолжал увлечённо:

– Может, Вия поставить Повелителем Нави? А его брат-близнец Дый пусть белым Светом командует, всё-таки Бог Неба?

– Нет, Сварог, вот тут ты неправ! С этими братцами не совсем то получилось, что задумывалось. Не иначе как Провидение или Рок вмешались во время их создания. Мировая Уточка точно мимо пролетала, как сейчас помню. Дый прямо на глазах чернеет, а мысли у него коротенькие, только о себе. Но не прочь будет все Миры под себя подмять, чтобы чернели вместе с ним.

Сейчас он уже, скорее, Бог Ночного Неба. А Вий любит тайную власть, на всех влиять, всеми руководить, но добрый. Нет, нельзя им власть давать. Неправильно это будет, Хаос-Утгард победит, и ничего, кроме Хаоса, не останется – ни Земли, ни людей, ни Богов! Навью управлять Чернобога поставлю. Он только с виду чёрный, а на самом деле душа у него светлая и верная. Объясню ему, что да как, почему именно ему Навь поручаю, он поймёт.

– Но, знаешь, мне жаль Чернобога. Нелегко ему придётся. Может ожесточиться. Тогда трудно станет всем. Как-то аккуратно тут нужно всё расставить, – посочувствовал Сварог. – Да и Белобогу надо всё объяснить, а то ведь рванётся брата защищать, себя не пожалеет.

– Ещё и спокойствием придётся на какое-то время пожертвовать, вот что печально, Сварог. Но только через вой-

ну можно по-настоящему увидеть, кто на чьей стороне будет, как прижмёт.

Так всё и началось...

Когда Род, Отец всего Сущего, объявил одного из своих сыновей-близнецов предателем и заключил его в Нави, все содрогнулись от страха и скорби.

Кто шептался по углам, а кто и во всеуслышание говорил:

«Как может, чтобы братья, Белобог и Чернобог, такие дружные и неразлучные, оказались противниками! Это невозможно!»

«Но Род, Наш Отец, не может ошибаться!»

«А что, если...» – шептали осторожные.

«Кому верить?» – впали в уныние слабые.

«А вдруг...» – не стихал шепоток.

Тогда Род, собрав всех Светлых Богов, объяснил им, что Чернобог решил объявить себя самым главным, сесть на престол самого Рода и стать Правителем всех трёх Миров. Но, так как сущность Чернобога – это разрушение, то разрешить ему стать главным – это значит обречь новый Мир на смерть, ведь сейчас нужно создавать его, а не разрушать. Поэтому, узнав об этих его планах, пришлось выдворить столь опасного Чернобога в Навь.

– Он занял престол Нави и сразу объявил войну Бело-

му Свету, – сказал Род, испытующе глянув на стоящих вокруг Богов и Богинь. – Поэтому я передаю правление сильному воину – могучему Сварогу. Белобога же, брата-близнеца отступника, чтобы прекратить всякие разговоры и подозрения, я назначаю Верховным Хранителем девяти охранных печатей, которыми запечатана вся мудрость Прави. Этим назначением я подтверждаю, что по-прежнему верю и доверяю своему сыну Белобогу. Конечно, войны между Светом и Тьмой сейчас не миновать.

Время пришло! – сказал так Род и передал престол Сварогу. А сам ушёл в свой терем и приказал по пустякам не тревожить.



Сварог же, немедля, стал готовиться к отпору угрозы из Нави. Он ударил молотом два раза по белому камню Алатырю, вызвал два снопа искр, которые превратились в силь-

нейших Богов – Семаргла да Стрибога. Стали Сварожичи воеводами небесного войска. И Сварог выковал для них оружие: огненные мечи, булавы, секиры, сабли и другое волшебное оружие – Меч Правы, символ справедливости, и Меч-кладенец, как луч света, пронзающий врагов. Выковал он и кольчуги, доспехи, щиты – одним словом, всё, что требовалось для славного сражения. Его войско было готово защищать мир Светлых Богов.

А в это время в Нави Чернобог, объявив себя Правителем Нави, стал обдумывать свои действия. И первым делом начал строить себе чертог.

«Каким же должен быть чертог? – спросил себя Чернобог и сам себе ответил: – Большим, чтобы внушать трепет; высоким, чтобы внушать превосходство его хозяина над всеми; чернее тучи, чтобы внушать страх; мерцающим, чтобы внушать таинственность. Двери должны быть невидимыми, тайными, чтобы внушать недостижимость.

Высокая стена, гладкая, чёрная, без выступов и башенок – для того же, такая стена подчёркивает высоту чертога. А что внутри? Большой зал для совета, возвышение и трон для хозяина».

«Ну и, конечно, нужно предусмотреть кое-какие колдовские хитрости, – озорно ухмыльнулся Чернобог, – внезапное появление на троне, чёрный плащ-корзно, а главное – выглядеть великаном. И штучки всякие не забыть, которые пола-

гаются Повелителю Нави. Так, вроде всё».

«Начали!» – скомандовал он сам себе, по-мальчишески запустил обе ладони в гриву чёрных волос и вскинул руки в колдовском жесте. В один миг возник чертог. Огромное, несоизмеримое с размерами человека, пространство чертога, его устремлённые к небу своды, башни и башенки навевали мысли о вечности его хозяина, о ничтожности его посетителей. Чёрные стены чертога и стены, окружающие его, были без единой трещинки, таинственно отливали мерцающим светом.

«Неплохо получилось! – оценил свою работу Чернобог, – а Род, Отец всего Сущего, говорил, что я могу только разрушать!»

Горечью и обидой повеяло от этих слов. Но Чернобог справился с минутной слабостью, пожал плечами и выкинул эту мысль из головы: «Нечего себя терзать, нужно дело делать, войско пора создавать».

Чёрный камень в Рипейских горах закрывал вход в Навь, но служил и многим другим целям. К нему и отправился Чернобог, прихватив с собой молот, подаренный ему Сварогом ещё в далёкие и светлые времена. Ударил Чернобог молотом по камню, посыпались во все стороны чёрные искры. Те, что упали на землю – превратились в армию колдовских чёрных коней, изрыгавших пламя. Искры, летевшие по воздуху, преобразились в тучи воронов и филинов, затмивших дневной свет. Искры, попавшие в людей, преврати-

ли их в чёрных могущественных волшебников и волшебниц, вставших неисчислимой ратью под чёрные знамёна Чернобога. Из-под Чёрного камня потянулись подвластные Повелителю навьи – злые духи, безобразные Души, искорёженные тлетворным дыханием Хаоса, превратившиеся в потусторонних чудищ, вредоносные человеку, отравляющие саму суть своим чёрным дыханием.

Получили они все приказ от Чернобога: пока разойтись, себя ничем не проявлять, людей не обижать, а как понадобится, чтобы все собрались у Чёрного камня.

Дошло дело до оружия и доспехов. Выковал Чернобог своё волшебное чародейское оружие на Чёрном камне. Вначале он сковал неодолимый меч, сражающий даже бессмертных.

На его серповидное лезвие пошло звёздное железо, истёкшее из Чёрного камня. Этот меч-серп мог унести жизни тысяч воинов за один взмах. А затем на Чёрном камне выковал Чернобог меч Кривды и другие мечи, секиры и копья. Выковал он себе кольчугу и доспехи. Примерил доспехи, взял в руки меч-кладенец и оглядел себя: «То, что надо! Смотрите и бойтесь, Светлые Боги! Перед вами Повелитель Нави – Великий и Ужасный Чернобог. Берегись, братец! Скоро воевать начнём!»

И вот пришло время Великой Битвы Света и Тьмы. Вре-

мя для людей остановилось, а для Богов понеслось вскачь. У Чёрного камня собрал Чернобог своё войско: тысяча чёрных жеребцов, извергающих пламя, и тысяча волшебников и волшебниц с жезлами, на которых насажены ужасные черепа, тысяча чёрных птиц в небе. Навий никто пересчитать не стал.

Сказал так Чернобог своему войску:

– Ваша задача – прорваться к проходу, который ведёт в Ирий, где живут Светлые Боги, и захватить этот проход. Ваше нападение должно быть внезапным. Поэтому мчитесь через Явь, не останавливаясь, не убивая никого и не поджигая жилища людей. До них очередь ещё дойдёт. Берегите силы. Только вперёд. У входа придётся биться с охраной Ирия. И помните, нам будет помогать Тьма. Нужно успеть всё закончить до появления Солнца.

И устремилась эта чёрная рать через леса и долины Яви, минуя селения людей, к проходу в Светлый Ирий.

Чернобог же на своём Черногривом мчался быстрее ночи к Хранилищу мудрости Прави. Когда-то Род заключил в один сосуд знание Прошлого, Настоящего и Будущего, которое он получил в тот миг, когда создал Родину. Сосуд этот он запечатал девятью печатями, сорвать которые было под силу только Хранителю, Родом назначенному. Род посчитал это знание сокровенным, даже вредным для людей, потому

что твёрдое знание Будущего ведёт к бездействию. Зачем что-то делать, если всё равно будет так, а не иначе? Чернобог же всем своим заявил, что, если сорвать эти печати, то сокровенные тайные знания разольются по Яви и их победа будет бесповоротной – ведь всё остановится и начнёт разрушаться. Поэтому, послав своё войско к проходу в Светлый Ирий, рассчитывал сам незаметно пробраться к Хранилищу.

Быстро домчалось войско Нави до прохода в Ирий, но вести летят быстрее. Их уже ждали. Подходы к Ирию охраняли горные великаны, не пропуская «ни конного, ни пешего». Завязалась великая битва. Огненным вихрем в золотых доспехах и с пылающим мечом на своём огнегривом коне налетел на чёрную рать Семаргл, Бог Огня, сын Сварога. Снопамы сыпались молнии из глаз огненного Бога, с бороды стекала огненная лава. Ему не уступал быстрый Стрибог, который был везде, где нужно. Белобог, сверкая глазами и ярким мечом, разливал свет перед наступающей тьмой, и та слабела, невзирая на свою ярость. А с ними рядом бились с тёмной ратью светлые волшебники, птицы и звери.

Грозная была битва! В небесах молнии вились, как огненные змеи, вся Земля была подобна кипящему котлу. Но не доставало силы у Светлого войска, и уже стало казаться, что силы Нави победят, а звёздам суждено угаснуть. Но в это время на небе появился в огненной колеснице, запряжённой огненными конями, Хорс, Бог Солнца. Полыхнул

он яро и ударил солнечными лучами в чёрное войско.

Не вынесли солнечного света порождения Чёрного камня, заржали чёрные кони и ринулись назад, чтобы скрыться в спасительную темноту, унося на себе тёмных волшебников; вороны и филины ослепли от ярких лучей и попадали на землю. Навьи – хоть и бестелесные духи, но поддались общей панике и кинулись наутёк. Без предводителя как-то ничего не задалось. Скоро поле битвы опустело.

Чернобог же, как и задумывал, неожиданно для Богов Прави, появился у Хранилища Мудрости. Напрасно считал Белобог, увлечённый битвой, что ни у кого, кроме него, нет сил сорвать заветные печати! Брат его, равный ему по мощи, протянул десницу к сосуду и сорвал первую печать! Брызнуло сокровенное знание Прошлого, Настоящего и Будущего из-под печати, и капли его пролились в Явь, попав на некоторых людей, которые после прославились как пророки. Само по себе это было победой для Чернобога.

Белобог же, Верховный Хранитель печатей, в угаре битвы у прохода в Ирий, вдруг осознал неладное и поднял тревогу. Рванулся к Хранилищу, на помощь к нему кинулись и другие Светлые Боги. Но то, что задумал Повелитель Нави, было уже сделано. Чернобог, увидев противников, предпочёл удалиться, не вступая в бой, зная, что Светлые Боги не могут последовать за ним в Навь.

Так закончилась та единственная битва Прави и Нави. Разделились те, кто почитал Чернобога и проводил свои обряды на вечерней заре, и те, кто почитал Белобога и выбирал утреннюю зарю для своего чародейства. Даже некоторые Боги Прави предпочли пойти за Чернобогом в Навь, а остальные укрепились в своём желании остаться в светлом Ирии.

Всё получилось, как задумал Род – противостояние движения и остановки, света и тьмы, напряжённого действия и спокойного ожидания задало мирам более ясную границу, Белобог и Чернобог показали свою равную силу и власть, а людям стали ясны различия между двумя братьями, сыновьями Рода. К тому же сам Род тоже посчитал полезным, если некоторые люди получают пророческий дар – может, и не сразу, а научатся люди понимать замысел Божий и волю Творца. Сварог и Сварожичи привели Матушку-Землю в порядок и, чтобы раз и навсегда отделить Навь от Яви, проложили путь реке Смородине, которая и стала границей. С тех пор Навь стали называть ещё «потусторонним миром», так как расположена она была по ту сторону реки-границы.

А что же в Нави, тёмном царстве?

Прошло время. Сколько – неизвестно, так как в Нави и в Прави время течёт иначе, чем в Яви. Решил Чернобог собрать своих потворников – чёрных волхвов. Просочились уродливые навьи, прилетели птицы: Чёрный Аист, больше подчинённый Вию, Чёрный Ворон и сладкоголосая птица

Си́рин, заслушавшись пения которой человек добровольно уходил в Навь, а Боги начинали страдать животом.

Неподалёку устроились холодная красавица Морена – Богиня Смерти, строгий Радогост – загробный судья, пронизательный Вий – Пастух Душ. Скромно стоял, закутавшись в тёмный плащ, Кощей, ушедший после этих событий вслед за Чернобогом в Навь и принявший на себя обязательства Бога Смерти. Как всегда, еле различимый в тени, прятался Морок.

Оглядел Чернобог своих потворников – чёрных волхвов. Не так их много, как хотелось бы, но каждый владеет чёрным чародейством, может принимать любой облик, в любое место может проникнуть невидимым, а ещё человека заколдовать так, что он сам себя не узнает, может его в любое чудище превратить, в любого зверя. И, конечно, хоть и живут они в Яви, может каждый приходить сюда, в Навь, пред очи своего Повелителя и обращаться прямо к нему со своими просьбами.

Оценил своё войско Чернобог и вздохнул. Даже с ними не очень-то легко будет исполнить задачу, которую возложил на него Род, Отец Всего Сущего. И невольно опять возвратился Чернобог к тому памяtnому разговору.

Их было двое – близнецы, первое творение Рода, Отца всего Сущего. Один – голубоглазый, светловолосый, высокий и гибкий. Другой – с гривой чёрных волос ниже плеч, с громадными чёрными глазами, тоже высокий, но мощный и широкоплечий. Белобог – ясный, открытый, а Чернобог – как символ всего тайного, непознанного. Они были всегда вместе.

Но однажды Род, Отец всего Сущего, сказал им:

– Вы – первые сыны мои. И вам предстоит стать моими первыми помощниками. От вас зависит, будет жить этот молодой, созданный мной, Мир или нет. Мир этот нуждается в движении. А движение это можно создать, лишь раскачивая его от тьмы к свету, от смерти к жизни, от покоя к движению. Опорой же этого движения будет ваше противостояние. С этого дня вы встаёте напротив друг друга. Ты, мой первенец, примешь на себя самое трудное – уйдёшь из Прави и будешь владеть необъятным миром Нави. Оттуда ты, пока живут эти Миры, будешь посылать силу разрушения, и посланцами твоими будут чёрные чародеи. Белобогу выпадает более лёгкая доля. Он будет с помощью светлых волшебников восстанавливать то, что будет разрушено Чернобогом. Но, добавлять в это свою силу и строить даже лучше прежнего. В этом и заключена тайна развития Мира.

Встречаться, сынок, отныне мы будем только тайно, чтобы никто и не думал и не подозревал, что ты выполняешь моё поручение.

Для всех завтра я выдворю тебя в тёмный мир Нави и объявлю злейшим врагом Правы, который захотел подчинить себе Явь и весь Мир. Это очень трудное задание, но я верю в тебя, сын. Всегда помни это.

А ты, Белобог, знай, что это не игра, а работа, за которой стоит равновесие Мира. Управляй этим равновесием со своей стороны, – сказал Род и оставил их вдвоём. Это была последняя светлая ночь Чернобога.

Чернобог тряхнул головой, отгоняя ненужные сейчас воспоминания, и обратился к своим потворникам:

– Мы попытались захватить Ирий силой. Не вышло по первому разу. Нам не удалось быстро захватить проход и попасть в Правь, тем самым захватить и Явь. Но борьба не закончена. Тьма бессмертна и нетороплива. Наше дело – разрушение, остановка и недопущение того, чтобы люди быстро двигались по дороге Правы. Сейчас мы начнём покорять Правь изнутри, через жителей Яви, создавая им препятствия и внушая желание повернуть назад. Но помните, что вы встретите Лжеца, который будет выдавать людям кривду за правду, а правду за кривду, уводя от истины; Льстеца, который возвеличивает одних людей над другими, тем самым порождая в их сердцах зависть и разобщая их;

Искусителя, который увлекает человека на тот путь, который чернит душу и леденит сердце; Разрушителя, который

сеет в людях страх перед наказанием за «непослушание». Они нам не нужны, потому что остановка и даже разрушение – это не зло.

Для этого все чёрные чародеи и чародейки отправляются в Явь делать свою обычную работу деревенских знающих – останавливать болезни людей и скотины, помогать пережить разлуку да горе, связь установить со своими Предками, что в Навь ушли, прекращать слишком сильные дожди иль морозы... вы сами знаете, что людям надо ненужное останавливать да прекращать. Так путь от действия к остановке приводит к раздумью и возвышению Духа.

– А может, лучше детей воровать, да учить их кривде с детства? – не вытерпел и выкрикнул Чёрный Аист.

Чернобог поморщился и подумал: «Некоторые потворники у меня, конечно, очень тёмные... и глупые... и даже злые. Трудно сейчас найти настоящих единомышленников!»

– Пробовали уже, – пробурчал Вий. – Вон Велеса я даже усыновил, всему научил, а что вышло? Ещё один могучий Бог, который знает все тайны Нави.

– Да, с Велесом у нас промашка вышла, – согласилась чёрная чародейка Мутана.

– Не только с Велесом, припомни-ка ещё свои попытки с Колядой, – высказался чёрный чародей Маргаст. Он терпеть не мог Мутану и не пропускал случая, чтобы очернить её и так чёрную репутацию.

– Ерунду вы все говорите, есть только один способ, – вы-

шла вперёд Морена, Богиня Зимы и Смерти, и обвела всех холодным взглядом. – Холод и смерть! Морозить тело, леденить сердца – вот чем займусь я!

– А мои песни? Вы забыли силу моих песен! – как-то истерично закричала птица Сирин и захлопала крыльями, приготовившись запеть.

– Помним, помним! – испуганно закричали все. – Конечно, помним, только не пой!

– Хватит! – Чернобог слегка повёл бровью. – Хватит спорить! Вы все получите задание, будете его выполнять и докладывать результаты.

Все в момент примолкли и стали ждать указаний. Чернобог умел управлять своим войском.

«А я, – подумал он, горько усмехаясь, – буду следить за тем, чтобы злые старания ваши, если они случатся, разрушались, так как наградил меня Род только силой разрушения и повелел этой силой сохранять равновесие в созданном им Мире. Тяжкий и неблагодарный труд. Но таково моё предназначение, Макошью завязанное, Родом одобренное».

Чернобог нахмурился, осуждая себя за эти мысли, и продолжил:

– А теперь выбирайте, чем вы займётесь.

И начали в Яви и даже в Прави происходить странные события, но о них сказ не сейчас. Чёрное и белое, добро и зло так и ходят рядом рука об руку – для равновесия.

Мы обескураженно молчали и обдумывали неожиданный поворот сказки. Да, скорее всего, в этом и заключена истина.

СКАЗКА О ТОМ, КАК МАЛУША БРАТА ВЫРУЧИЛА

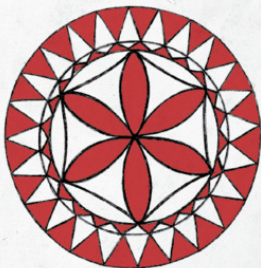
И вот снова настал долгожданный вечер с дымком от самовара, пытящего здесь же, во дворе. И неспешный чаёк с молодым медком, и разговоры-размышления на вечные темы. Дед Матвей, прихлёбывая из блюда и аппетитно причмокивая, кидал в общую беседу незначащие фразы, явно ожидая, когда «общество попросит». И оно, конечно, попросило, хотя, может быть, без должного почтения.

– Ну-ка, дед, вдарь что-нибудь из мемуаров! – высказался Славка, внук деда Матвея, обязательный участник наших вечеров. За молодой бравадой явно виделся неподдельный интерес к дедовым историям. Дед прекрасно это понимал и не обиделся, хотя внука приструнил:

– Уж больно вы, молодые, скорые, да и почтения к старшим мало имеете. А вот посмотреть бы, как вы из этой истории смогли бы выйти...

– *А дело было так*, – наконец-то прозвучала долгожданная фраза, с которой всегда дед Матвей начинал рассказ.

СКАЗКА О ТОМ,
КАК МАЛУША БРАТА ВЫРУЧИЛА



Пошли как-то девки на болото за клюквой. Снег сошёл, и перезимовавшую под снегом ягоду уже хорошо было видно, издалика краснела. Та клюква, что перезимовала, очень

ценилась в народе – кислинка в ней ослабевала, ягода становилась целебная и вкусная.

Парнишка за ними увязался, лет шести малец. Мать не пускала, а он выплакал-выпросил с сестрой пойти. Сестра не хотела сначала его брать, а потом пригрозила:

– Ладно, но только останешь в лесу, сразу получишь.

Пришли они на клюквенное место, ягоды собирают в кузова, девки поют, шутками-частушками перебрасываются. Звенел колокольчиком голос певуньи:

Я, бывало, ручки грела
У милёнка в рукаве.
А теперь он, что такое,
Не приходит уж ко мне.

Откликалась ей другая:

Говорят, я не красива,
Просто не красавица,
Но не все красивых любят,
А кому что нравится.
Выйдет туча грозовая,
Убьёт серого коня,
Чтоб не ездил мимо дома,
Не расстраивал меня,

– доносилось в ответ.

Перекликаются девки частушками, а парнишка ягодки в свой кузовок кидает, помалкивает, да сам по сторонам поглядывает. Хоть девки-то недалеко, слышать их хорошо, а всё боязно как-то. Выбрал сухую кочку, передохнуть решил. Присел ненадолго. А потом, хоть солнышко ещё слабое, угрелся и придремал. Девки же заговорились, запелись, увлеклись ягодой, да и забыли про парнишку, ушли далеко. Набрали кузова, потянулись к дому. Только у деревни вспомнили:

– А Ванятка-то где?

Стали кликать, аукать – всё пустое.

– Да он, поди, уже дома! – на том и порешили.

Но мать у ворот встречает:

– А Ванятка где? – спрашивает.

Обмерла девка, стала голосить:

– Ой, мамонька, ой, родная! Видать, Ванятку в лесу забыли!

Отгаскала её мать за косы, а сама к соседям – народ собирать, Ванятку искать.

– А ты, Малушка, с ними иди, без Ванюшки не возвращайся!

Малуша до клюквенной поляны народ довела, стали они кругами ходить, Ванюшку кликать. А Малуша к сосне прислонилась и стала дядьку Лешего звать:

– Дядя Леший, покажись не белым волком, не чёрным вороном, не елью колючей, а таковым, как я есть, видом чело-

веческим, – это она сразу надумала Лешего-то спросить.

Девки в той деревне с Лешим дружили, страхов о нём не слушали, гостинцы ему носили. Так ещё со времён молодости, теперь уже старой-престарой, бабки Веселины пошло. Она с Лешим подружилась и девок молодых тоже научила, как с ним, о чём говорить, а о чём лучше помалкивать.

Не успела Малуша и глазом моргнуть, как куст напротив неё заколыхался, закачался, и перед Малушей предстал Хозяин леса – сам Леший. Вроде на вид мужик, как мужик, но руки как сучья корявые, глаза глубоко посажены, так и сверлят тебя, а одежда как из листьев сшита. Но Малуша уже видела не раз Лешего, вид его был ей привычен.

Выделял он Малушу из других девок, потому что она слышать и видеть умела. Слышала голос каждой травинки и зверушки, понимала, что той нужно, видела то, что простым глазом увидеть невозможно. Вот Леший ей всегда услужить-то и старался: то заветную черничную полянку покажет, то на грузди наведёт.

Малуша на колени упала, молит:

– Дяденька Леший, помоги Ванюшку сыскать! Забыла я его в лесу.

Помолчал Леший.

– Да, Малушка, не в добрый час ты его в лес взяла! Видел я его.

И рассказал, что видел.

Побелела Малуша.

– Как же мне его найти теперь, да домой вернуть? Дяденька Леший, помоги, чем можешь!

– Ох, нелегко это будет сделать, Малуша! И страшно мне против САМОЙ идти!

– Ты только дорогу покажи, да своим помощникам накажи, чтобы с дороги не сбивали, в топь не затанули!

– Ну да ладно! Где наше не пропадало! Без жёрнова на шею дна не достанешь. Я тебе провожатого дам, а как в терем попадёшь, с собой его возьми, обратно дорогу он укажет.

– А кого ж ты мне назначишь в провожатые? – засомневалась Малуша.

Помощники у Лешего, мелкие лешачки по имени Туросик, Стукач, Свида – существа были довольно опасные и коварные. Зловредный Туросик любил принимать вид прекрасного тура или оленя с золотыми рогами. Появится, мелькнёт золотыми рогами – охотник за ним; отбежит Туросик подальше, опять манит, так и заведёт охотника в болото.

А Стукач изображал стук топора дровосека. Заблудится кто, бродит кругами, вдруг слышит – топор стучит. Он туда, а стук удаляется, так и кружит, бедолага, по лесу. А выберется или нет – это как кому повезёт. Стерёг лес Леший с помощниками. Охотника, посягнувшего на зверя с детёнышем, или рыбака, который ловит рыбу, когда она нерестится, всех, кто на лёгкую, несправедливую добычу надеется, ждала грозная расплата. Но, если кто лес любит, зря травинку не сорвёт,

зверёныша малого не обижает, того друзьями считали.

– Не опасайся, мы своих друзей не обижаем. Свида пойдёт, – обнадѣжил Леший.

И приказал:

– Свида, выходи.

Заколыхался воздух, и перед Малушей предстал рыжий лис, красуясь шикарным пушистым хвостом.

– Ух, ты! – восхитилась Малуша. – А прошлый раз ты вроде филином ухал!

– То прошлый раз было, – погладил Свиду Леший. – Вот такой провожатый тебе и нужен. Он хоть кем обернуться может. И слушай, что он советовать будет. Свида у нас мастер. Всякие ловушки насквозь видит.

Поблагодарила Малуша дядьку Лешего и говорит Свиде:

– Ну, пошли, Рыженький. Только так, чтобы я успевала за тобой.

Засмеялись оба – и Леший, и Свида.

– Своим ходом тебе и до зимы не дойти! Но для друга семь вёрст не околица! Садись на Свиду, да держись крепче!

А Свида вроде вырос, выше стал и пошире. Ну, впрямь, конёк – небольшой росток, только ещё мягкий и пушистый. Села Малуша на него верхом, а он приказывает:

– Держись крепче, глаза зажмурь и не открывай, пока я не велю.

Так Малуша и сделала. Ветер в лицо ударил, только свист

стоит – это мчится Малуша на рыжем лисе выше леса стоячего, ниже облака ходячего.

А с Ванюшкой за это время вот что произошло. Задремал он, значит, на болотной кочке. А проснулся от того, что кто-то лизнул его в лицо. Открыл Ванюшка глаза и обмер.

Прямо перед ним морда здоровущего волка, а рядом ещё такой же волк. Ванюшка вообще-то с животными дружил, собаки его слушались. И тут он обмер только от неожиданности, но скоро в себя пришёл. Смотрит на волка, а тот язык на сторону и даже улыбается как будто. Ванюшка и погладил его.

Волк ничего, не против. И другой тоже голову подsunул, погладь, мол, и меня. А Ванюшке что терять. Обнял обоих, да ласковые слова наговаривает. Совсем разнежились волки. Легли рядом, будто охраняют.

– Это что за зверюшку вы мне отыскиали? – вдруг сердитый такой женский голос послышался.

Поднял глаза Ванятка, а там красавица стоит, но в мужской одежде, колчан со стрелами за спиной висит, рядом конь-огонь – копытами от нетерпения постукивает-поигрывает. Вот уж правду говорят: «Бодрый сам наскочит, на смиренного Бог нанесёт». Ванюшка хоть мал был, но не по годам умён.

«Это же Девана, Богиня Охоты!» – вспомнил он. Рассказывали, бывало, что силой она пошла в батюшку, Перу-

на-Громовержца, а гордостью непомерной и красотой – в матушку, дочку Дыя, Бога Неба. От обоих родителей усвоила волшебные умения: могла в любого зверя оборотиться, в рыбу морскую и в могучую птицу. Потому и стала великой охотницей. Она скакала по лесам в сопровождении двух матёрых волков, которые слушались её, как обычные собаки. Любую дичь добывала и не знала в своей забаве себе равных.



ДЕВАНА И ВАНАТКА

Оробел парнишка, аж голос потерял, но во все глаза смотрит, не налюбуется красотой неопикуемой. А Деване смешно стало.

– Ну, что уставился?

Ванюшка потупился, но с силами собрался и выговорил:

– Ты такая красивая, никто красивей быть не может, даже ни на небе, ни на земле такую красоту не найти!

– Ну, ты хоть и мал, а знаешь, что сказать, – улыбнулась Девана. – На беду девкам вырастешь. А как ты в лесу оказался?

Ванятка всё объяснил: как увязался, как отстал, как уснул. Кузовок свой поднял, протягивает Деване:

– Испробуй целебной ягоды!

Девана тут ещё больше развеселилась:

– И обходительный такой! Прямо, как Ярило весной! – и заливается смехом.

А потом и говорит:

– Уж больно хорошо ты меня веселишь. Возьму-ка я тебя в терем. Погостишь, а потом, может быть, я тебя домой отправлю. А может, и у себя оставлю. Там видно будет...

Ванятка и слова вымолвить не успел, закинула она его на коня, сама сзади села. И помчался конь быстрее ветра, только замелькало всё вокруг, успевай вглядываться. Волки за ними, тоже ногами быстро перебирают, не отстают.

Терем у Деваны был в самой чаще заповедного леса. Кругом деревья вековые, кустарники непролазные, колючие, крапива жгучая. Но перед Деваной расступались, дорогу да-

вали. Чужому, если не знал заповедного слова, близко даже подойти не удавалось.

Муж Деваны – Святобор, Бог Леса, за лесом и бором наблюдал, чтоб по берегам рек и озёр деревья не рубили, порубщиков строго наказывал. Леший с помощниками ему подчинялись, но Девану больше побаивались – уж больно скорая она была на раздачу.

Ванятка головой крутит, по сторонам смотрит, всё ему интересно. Мир, что огород, всё в нём растёт. А как лес расступился, да терем перед ними предстал, и вовсе дух захватило. Терем высокий, под облака, всеми красками играет, башенки, окошки с наличниками, узоры на них всякие вырезаны. Загляденье, а не терем.

– Заходи, гостем будешь! – приглашает Девана. Зашёл Ванятка, огляделся, век он такой красоты не видывал! А тут и муж Деваны, Бог Святобор, вышел.

– Ты где его нашла? – спрашивает. Объяснила Девана. Недовольно покачал головой Святобор:

– Это, считай, всё равно, как птенца из гнезда вынуть, телёнка от матки отлучить. Неладно ты это сделала, Девана.

А Девана поперёк себя слов не терпит, вскинулась вся:

– Тоже, сравнил! Ничего с ним не сделается, а мне скучно.

Покачал головой Святобор, но больше спорить не стал,

а повёл Ванятку в комнату, где стоял большой стол, стулья вокруг. Усадил Ванятку за стол, велел прислужникам накормить гостя. Нанесли еды всякой диковинной, наелся Ванюшка, в сон потянуло, а сказать стесняется. Так и задремал за столом. Глянул Святобор, улыбнулся по-доброму и отнёс его сам на кровать широкую, прикрыл одеялом пуховым.

– Заснула твоя игрушка. Совсем ведь малое дитя, ему материнский пригляд нужен.

– Ну, скучно мне, понимаешь, скучно! Всё лучше того, как нет ничего! Отец запретил мне между мирами гулять, развлекаться от души, а я ему в этом клятву дала. А как было весело! Плавала я белорыбицей в океанах и морях, превращалась в грозную птицу Магур и страх наводила на весь земной мир. Одной рукой метала булаву, а другой – копьё и подхватывала их за сотню вёрст от того места, где метнула в небо. Если бы не Макошь, Богиня Судьбы, да не сплела бы она невод, ни за что не изловил бы меня отец, когда унырнула от него в море белорыбицей. Не поймал бы, так правила бы я сейчас тремя Мирами сразу, сидела бы на троне Сварога, Отца Небесного! А сейчас вот заперта в этих заповедных лесах, где и поохотиться всласть ты не разрешаешь! Одно развлечение нынче лучше двух завтра. Пойми, умираю я от скуки!

Приголубил он Девану, как малого ребёнка, но ничем помочь не может. Да. Тесно и скучно ей в заповедном лесу. Но кабы на добра коня не спотычка, и цены б ему не было.

Никогда не позволит ей Перун возжелать трон Сварога, Повелителя Прави и Яви!

Так и остался Ванюшка в тереме. Быстренько всё осмотрел, со всеми перезнакомился, ест, пьёт вволю, да уже и по родителям скучать начал. А Девана про него уже и не помнит, быстро надоела ей новая игрушка. Стал Ванятка домой проситься. Но Девана ни в какую. Мол, подрастёшь немного, буду тебя обучать кое-чему. А пока, мол, живи здесь. Не привыкла, значит, своё от себя отпускать. Сколько сможет, столько и хочется. Много может, вдвое хочется.

А Малуша, тем временем, уже к самому лесу заповедному на рыжем лисе добралась. Велел он ей глаза открыть и перестать дёргать шерсть. Вроде сердитым прикидывается.

Слезла Малуша, обняла лиса за шею, приласкалась и спрашивает:

– А дальше-то как?

– Легко начать, да нелегко кончать. Кабы я знал, да кабы ведал!

– А дядя Леший сказал, что ты мастер. Велел тебя слушаться.

– Ну, раз так, значит слушайся, – подобрел Свида. – Сейчас я в Перунов цвет обернусь. Это цветок самого Перу-

на-Громовержца, отца Деваны. Ты этот цветок в руке держи впереди себя, он как пропуск будет. Лес тебя и пропустит. Но, как только ступишь на поляну, цветок позади себя на землю опусти. Но не кидай с размаху, я не люблю это, – опять как бы осердился Сvida.

– А я превращусь в мошку и под косу к тебе спрячусь. Да смотри, не прихлопни случайно, – прикрикнул. Но Малуша уже поняла, что покрикивал он больше для порядка.

– Потом пойдёшь в терем. Увидишь там Девану, что Ванятку увезла, и муж её, Святобор, Бог Леса, тоже там будет. Назовись. Но как попала сюда, смотри, не проговорись, а то и нам наказание будет, и ты вовек отсюда не выберешься. Да и на Святобора глаза сильно не пяль. Девана всё своё при себе держит, а ты – девка видная. Озлобиться может. Дальше посмотрим, как дело будет оборачиваться. Там и решим, что делать.

Сказано – сделано. Поднялась Малуша на узорчатое крылечко. Забоялась было, потом думает: «Семь бед, один ответ!»

И постучала в дверь. Открывает прислужник – то ли человек, то ли тень от человека, не поймёшь.

– Тебе чего?

– Я за Ваняткой пришла.

Впустил прислужник, ждать велел. А Малушу в дрожь бросает – тут и боязнь, тут и ожидание, что будет, чем закон-

чится. Такие чудеса, что дыбом волоса.

Видит – выходят мужчина и женщина. Оба статные, красивые, одежда на них золото-цветьем переливается. Идут плавно, степенно. Поняла, что это и есть Святобор и Девана. И вдруг из-за них, как выкатился, Ванятка. К Малуше бросился, заплакал, обнимает её, а сам причитает, мол, домой к матушке-батюшке хочет. Малуша его на руки – и к дверям. Сейчас, мол, и пойдём! Плакать только перестань.

– А ну-ка, стой, – окликнула повелительно Девана.

Малуша так и застыла, как окаменела. Ни рукой, ни ногой.

– Повернись, – снова команда. Ноги сами развернулись.

– Отпусти мальчика, – командует Девана.

– Ну уж, нет! – прижимает ещё сильнее Малуша брата.

– Надо же, – удивилась Девана, – а в девке-то сила есть.

– Это любовь сестринская, – негромко и как-то печально прошептал Святобор.

Девана сделала вид, что не слышит.

– А как ты вообще-то сюда попала? Кто пропустил? – вдруг спохватилась Богиня.

– Шла-шла и дошла. Была в лесе, а стала здесь. Бывает порою, что и река течёт горою.

– Отговариваться ты мастерица. Впрочем, какая разница, как попала. Главное, ты здесь. И, чтобы я отпустила твоего брата, ты должна выполнить три задания, – решила раз-

влечься Девана.

– Соглашайся, но проси, чтобы Святобор судьёй был, – слышит Малуша, как Свида ей тихонько шепчет. Малуша чин чином всё и исполнила. Поклонилась Деване, согласна, мол, на испытанье, потом поклонилась Святобору, попросила быть судьёй в этом споре. Святобор согласие дал и обещание сказал – судить по чести и совести.

– А теперь отпусти мальчика, – приказывает Девана.

– Отпусти, – тихонько советует Свида. Отпустила Малуша брата, а сердце ёкает, что напрасно, мол, это делает.

– Не трусь, – шепчет Свида.

Девана увела Ванятку в другую комнату, и вдруг оттуда вылетают девять сизокрылых голубей. Девана зёрна бросила, все голубки клюют, воркуют.

– Ну, найди своего брата, – усмехается Девана.

А Малуша глаз прищурила, оглядела голубей. Видит – над одним вроде как иначе воздух колышется, светится по-другому. И сидит он в сторонке печальный, к зерну не подходит.

Малуша подошла к этому голубю, взяла на руки, поцеловала, глянь, а она уже не голубя, а братика на руках держит.

– Победила Малуша, – объявил Святобор.

– Посмотрим, как она со вторым заданием справится, – уже злиться начала Девана. Привыкла, чтоб всё по ней было.

Зайца знать по ушам, медведя по когтям, а упрямца по делам. Опять взяла Ванюшку, завела в комнату, выскакивают оттуда девять одинаковых щенков. Все прыгают, к Малуше ластятся, а у одного слёзки в глазах.

– Наш этот, со слёзками, – шепчет Свида.

Да Малуша и так видит, что отличается он от других, так же, как тот голубок заколдованный. Малуша щенка схватила, к себе прижала, он мальчиком обернулся, слёзы так и бегут.

– Победила Малуша, – объявил Святобор во второй раз.

А Девана уже опять к себе Ванютку тянет. Он уже обессилен от таких превращений. Да делать нечего. Выше лба уши не растут. Понимает, что потерпеть ещё нужно.

И вот выходят из комнаты девять одинаковых мальчиков. Все одеты одинаково, рост один и тот же. И взгляд одинаковый, печальный. Малуша смотрит и так, и этак – нет, все мальчики одинаковые, ни над одним воздух не колышется, цветами не играет.

– Помогай, Свида! – шепчет. – Не вижу я Ванятку!

– Всё, теперь или пан, или пропал, – еле слышным шёпотом отвечает Свида. – Смотри внимательно, над каким я покружусь, да опять спрячусь. Деване на глаза никак мне нельзя попасться.

Мальчики выстроились в ряд, стоят смиренно, глядят перед собой, не моргнут. Пошла Малуша вдоль ряда. Все одинаковые, и никакой мошки не видать! Дошла до конца, постояла, пошла обратно. Вглядывается вроде как в лица, а сама чуть поверх головы смотрит. И увидела! Над третьим с конца мошка мелькнула и спряталась.

– Этот, – твёрдо так сказала Малуша и прижала мальчика к себе. Прижимает его и чувствует, как по шее мошка поползла и скрылась под косой. А малец, как был бесчувственный, заколдованный, таким и остаётся.

– А ты уверена? – ухмыляется Девана. Малуша молчит, только крепче прижимает к себе мальчика, целует его, слезами обливает. Верит Свиде больше, чем себе.

– Девана, расколдуй мальчишку, – приказал Святобор. – Прекрати издеваться.

Девана сильно удивилась этим словам. Была уверена, что Святобор на её стороне. Но послушалась.

Ванятка вдруг пошевелился, обнял Малушу покрепче, а сам говорит Деване:

– Спасибо тебе. Хорошо у тебя было, но я домой хочу. Отпусти нас.

– Ну что же, – говорит Девана, – вырос камешек в крутой горе, излежался промеж атласа да бархата, снова в гору захотел. Но небывалое это дело, чтобы меня кто-то в состязаниях победил. Кто тебе помогал?

Малуша молчит, что она ответить-то может? Тут Свято-

бор вмешался.

– Ей, – говорит, – любовь сестринская великая да дружба крепкая помогли. Это, Девана, посильнее, чем твоё колдовство.

Малуша посмотрела на Святобора и поняла, что он всё знает. Святобор поймал её взгляд, улыбнулся и подмигнул. А сам повернулся к Деване и говорит:

– Умеешь выигрывать, умей и проигрывать. Прикажи-ка стол накрыть, нужно гостей дорогих покормить-попоить перед дорогой, а потом мы вдвоём и отвезём их к опушке леса.

Девана, как будто и не она только что злостью исходила, приказала, быстро всё исполнили. Сели за стол, разговоры пустые пошли.

Потом Святобор поднялся, все вслед за ним встали. Вышли из терема, а там – два красавца коня белогривых, масть в масть. Удила грызут, копытами от нетерпения стучат. Святобор Девану посадил в седло, а позади неё Малушу припустил.

– Держись крепко за пояс, не отпускай! – шепнул. А сам Ванятку впереди себя посадил.

Расступился лес заповедный, помчались кони, долго ли недолго, а оказались у опушки леса, дальше – уже луга и пашня родной деревни. Высадили Боги своих седоков.

– Ты, малец, слушайся сестру, другой такой на свете нет.

Ванятка только кивает в ответ. А Девана ему щенка из-за пазухи вытащила.

– Вот, – говорит, – тебе от моих волков подарочек. Очень они тебя полюбили, хотят, чтобы их сынок с тобой вырос.

Ванютка так и вцепился в щенка, сомлел от радости.

– А в тебе, девушка, – говорит Девана, – сила большая природная. Не трать её попусту на забавы.

Сняла браслет с руки и подаёт Малуше. Носи, мол, в память обо мне.

Малуша Деване и Святобору в ноги поклонилась, а Святобор ей лукаво улыбнулся и палец ко рту прижал. Кивнула ему Малуша, поняла, мол.

Развернули Боги коней и вмиг исчезли из виду. Но зато возник Свида, теперь уже в человеческом облике, чтоб мальца не наводить на мысли.

– Свидимся, Малушка. Скоро сыроежки пойдут, приходи ломать.

И исчез. Малуша и ответить не успела. А Ванятка так и во-все его не заметил.

Ну, а как их дома встретили, это другой рассказ. Но ни Малуша, ни Ванятка словом не обмолвились, где они побывали. В лесу и точка. Только внукам, когда вроде как сказку рассказывали, так об этом речь вели. Никто, конечно, не поверил. Хотя браслет Малуша сберегла и внучке любимой потом передала. А щенок вырос в такого сторожевого

пса, что все диву давались. Ну и пошла от него порода особая. С виду волки, но верные, как собаки.

И долго ещё молчали мы, примеряя к себе все обстоятельства этой истории...

СКАЗКА О ТОМ, КАК ЯРИЛО В ЛЮБВИ ПОМОГ

На весёлую беседу
Дроли не явились:
Они шли через болото,
Клюквой подавились.
Я пришёл на посидуху,
Не нашёл свою засуху,

– скороговоркой пропел-прокричал дед Матвей, удобно устроившись на брёвнах. Я молча ждал продолжения, уже заранее ожидая очередную бывальщину.

– *А дело было так*, – продолжил дед Матвей.

СКАЗКА О ТОМ,
КАК АРИЛО В ЛЮБВИ ПОМОГ



На всю округу из нашей деревни что парни, что девки очень ценились как женихи-невесты. Парни хозяйственные, девки работающие. А уж попеть-поплясать да хороводы во-

дить – никому за ними не поспеть.

Самый завидный жених был Гордыня, Путятин сын. Всем взял парень – и рост подходящий, и плечи с косую сажень, и лицом светел. Но норов у него был никчёмный: задиристый, горделивый, себя выше всех считал. Не зря Гордыней его прозвали. Но в работе, надо сказать, тоже всегда первый, всё в руках горело. Тут уж худого слова не вымолвишь. А девки всё обхаживали его, как могли. Только он на девок, вроде, и не смотрит. На гулянье, бывало, во всех играх первый, столб вслепую всегда первый срубал, да так, что соперника столб сваливал. Но, как до хороводов дело доходит, поворачивается – и прочь. Постепенно так всех девок от себя и отвадил.

Только одна, Ясуня, Милованова дочка, не отступалась. На других парней и не смотрела, сватам отказывала. Милован, на что уж дочку любил и не неволил, поругивать её стал:

– Смотри, Ясуня, пробросаешься! Будешь век одна куковать!

Она только вздыхает.

И вот, однажды, наступил Ярилин День. Ярилу, Бога яркого весеннего Солнца, любовной страсти и плодородия, в деревне у нас очень чтили. Вся деревня с утра участвовала в празднике – и стар, и млад. Идут на Ярилину Горку, каждый хозяин несёт хлеб-соль, складывают его кучкой, а специально выбранный хозяин тоекратно кланяется на три сто-

роны и произносит обращение к Яриле:

Гой ты, Ярила, огненная Сила!
С неба грядучи, ты возьми ключи,
Отомкни ты Матерь – сыру Землю,
Пусти тёплу росу да на всю весну,
На сухое лето да на ядрёно жито!
Гой! Слава!

А весь народ повторяет это за ним и тоже кланяется на три стороны. Потом идут на поля, трижды обходят их и поют:

Волочился Ярило
По всему белу свету,
Полю жито родил,
Людям деток плодил.
А где он ногою —
Там жито копною,
А где он глянет,
Там колос цветёт.

Вечером выбирали самого красивого парня, надевали ему на шею науз – верёвочку с подвеской, полной сухих ароматных трав, и водили вокруг него хороводы, распевая песни.

А у нас Ярилин день,
Я травку-муравку вытопчу,
Тебя, молоденьку, подержу...

На эти вечерние игрища допускались только молодые парни и девушки. После хоровода они разбивались на пары и разбредались, кто в поле, кто в лес.

Ярило любовь очень одобрял. Он даже проверял, все ли парни и девки в гулянье участвуют. Ходит, смотрит, спрашивает, если что не так.

И вот как-то в такой вечер идёт он по деревне мимо Гордыниного дома. Смотрит, молодой парень, вместо того, чтобы с девушкой миловаться, во дворе дрова колет. Удивился Ярило. Думает, что-то не то с этим парнем.

Подходит ближе. Всмотрелся и ужаснулся: «Сердце-то у парня ледяное! Видно, Морена, Богиня Зимы и Смерти, поцеловала парня! Не дело это! Как же я это не усмотрел! Надо парня выручать!»

Пошёл дальше, всё думает, как помочь.

И видит – на скамеечке сидит девушка, такая милая, как ландыш лесной, но печальная. И одна сидит. Тоже неполадок. Подсел к ней, разговор завёл. А она отворачивается, глаза прячет. Но разве против Бога Ярилы устоит кто? Узнал, что Ясуней зовут. Выспросил про её несчастную любовь к Гордыне.

«Вот и лекарство есть для парня», – обрадовался Ярило.

И сказал:

– Помогу я тебе, только делать должна точно, как я скажу.

Согласна?

А Ясуня шепчет:

– А Гордыне от этого худа какого не будет?

Восхитился про себя Ярило: «Вот она, настоящая любовь!

За милого беспокоится, а не о себе думает!»

А вслух говорит:

– Будешь делать, как скажу, только добро будет. Сердце его ледяное растопить нужно, а то недолго ему тут оставаться, может скоро в Навь, Мир смерти, уйти.

И протягивает ей науз с ароматными травами. По этому наузу Ясуня и признала Ярилу. В землю хотела поклониться, да он не позволил.

– Слушай дальше, – говорит. – Науз этот из рук ни на минутку не выпускай, чтобы сила в нём оставалась. Утром, как пойдёт он скотину выгонять, подойди к нему, да встань прямо перед ним и, не мешкая, чтоб не одумался, подай ему науз, гляди в глаза и быстро так скажи: «Одно сердце страдает, другое не знает».



АРИЛО И ЖЕНИХИ-НЕВЕСТЫ

Он растеряется, отвык парень уже, чтобы девки на шею вешались, ветку возьмёт и глянет на тебя. А как глянет, так и присохнет. Но ты тут же повернись и прочь иди.

Вот после этого начнётся самое трудное для тебя. Гордыня твой начнёт следом за тобой ходить, любви ответной просить. Но ты каждый раз отвечай: «С чем пришёл, с тем и пошёл», – поворачивайся и уходи, виду не подавай, что любишь. Если ответишь на любовь, поцеловать разрешишь, сердце его заледенеет пуще прежнего, уже ничем не поможешь, а он быстро в Навь отойдёт.

И продержаться так тебе надо до следующего Ярилиного Дня. Сватов будет засылать, отказывай. Отцу можешь намекнуть, что, мол, Ярило так велел, а больше никому ни слова. За этот год сердце его полностью оттаёт, Морена власть над ним потеряет. Продержишься, через год я сам на Гордыню науз с травами надену. Как увидишь на нём мой праздничный науз, так к отцу веди, чтобы благословил. Тогда и милуйся, сколько хочешь.

Прижала Ясуня науз к груди, вдохнула духмяность травяную. Подняла глаза, чтобы поблагодарить, а Ярилы уже и нет, только рядом сидел, а уж и след простыл. Но Ясуня всё же сказала те добрые слова, что хотела сказать – Бог, он Бог и есть – всё слышит, всё знает.

В эту ночь Ясуня так и не ложилась спать, науз к лицу прижимала и смелости набиралась, как она к любимому подойдёт.

А утром, только рассвет занялся, Ясуня уже Гордыню поджидает. Он один жил, родители померли, так за скотиной он сам и ходил. Гонит парень скотину в стадо, а наперерез ему девушка спешит. Скользнул он по ней взглядом, хотел дальше идти. А она встала перед ним и протягивает науз с душистой травой. Он от неожиданности науз взял и на неё глаза поднял. А она ему в глаза глядит и говорит:

– Одно сердце страдает, другое не знает.

Жар у него по телу прошёл, смотрит на девушку, а она ему милее всех на свете кажется.

– Как зовут тебя, милая? Чья ты дочка будешь?

Но красавица повернулась и пошла прочь. Он за ней. И про скотину забыл. Догнал, не пускает. А она ему так строго:

– С чем пришёл, с тем и пошёл!

Оторопел Гордыня. Гордость в нём взыграла, тоже повернулся и пошёл, но науз душистый из рук не выпускает, память о девушке хранит. А Ясуня домой бегом, слезами захлёбывается и не знает, о чём плачет: то ли потому, что Гордыня, наконец-то, её заметил, то ли потому, что оттолкнуть его пришлось.

Хоть и рассердился Гордыня, но вечером на гулянье пришёл, Ясуню высматривает, всё о ней у парней выспрашивает. Но, как подойдёт только к ней, она ему опять:

– С чем пришёл, с тем и пошёл!

Так и пошёл день за днём. Он к ней, она от него. Вся деревня уже смеяться над ними устала, а Ясуню осуждают, что нос от такого парня воротит, сватов, мол, засылал, так отказала. Стали поговаривать, что испортила девка паренька, навела на него сухоту. Но Ясуня хорошо помнит, что Ярило наказывал: «Уступишь, парня в Навь загонишь».

Вот опять Ярилины праздники наступили. Стоит Гордыня в сторонке, смотрит, как Ясуня хороводы водит. Сердце от любви тает, вспоминает, как в народе говорят: «Без солнышка нельзя пробыть, без милой нельзя прожить».

Не заметил, как незнакомый парень подошёл, наблюдает за ним, улыбается.

А потом парень и говорит:

– Она запах травы любит. Надень на себя мой науз травяной, подари ей науз второй, от такого подарка девушки не отказываются.

Гордыня даже слово сказать не успел, как один науз уже на шее, второй в руках, а сам он быстрым шагом к Ясуне идёт. И про парня забыл.

Тут и Ясуня Гордыню увидела. Науз у него на шее, в руках второй – не обманул Ярило, не забыл обещание! Выскочила из хоровода и, будто случайно, навстречу пошла. Встретились, он ей науз отдал, обнял, да так, обнявшись, по-

шли. И всю жизнь, обнявшись, и прожили. Настоящая любовь и ледяное сердце растопит.

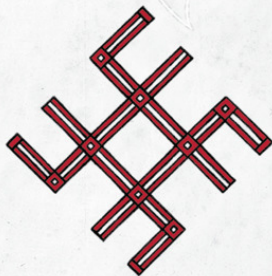
Замолчал дед Матвей, с поля потянуло травяным ароматом, и понеслись мысли про жизнь, про любовь, и какая-то лёгкая грусть растеклась по сердцу.

СКАЗКА О ТОМ, КАК ИСТЮ БОГОМ ОБЪЯВИЛИ

– Все чудеса обычно у нас случаются в Пинеге, где когда-то чудь проживала. Но и в наших краях по Паленьге тоже немало чудес происходило, только начни вспоминать. Вот, к примеру, эта история, – начал рассказ дед Матвей.

– А было это так, – мы все в ожидании новой былички придвинулись к рассказчику.

СКАЗКА О ТОМ,
КАК ИСТИЮ БЪГОМ ОБЪАВИЛИ



В деревне этой, что недалёко от Паленьги, Истислав, молодой мужик, которого в деревне звали попросту Истя, считался крепким хозяином. Дом он отстроил пятистенный, все

дворовые постройки под одной крышей сделал, двор досками застелил, чтобы жене его Велуше, удобно было зимой к скотине ходить. А дом у него весь с фасаду как резная шкапулка – и наличники, и ставни – всё в узорах. Тут и Солнца знак, и Перуна-Громовержца, и Макоши, Богини Судьбы, оберег. Даже охлупень не такой, как у всех – петух, как живой, на крыше сидит. Всё бы хорошо, но дом он этот поставил почти что в лесу, до деревни не меньше версты было. Это всех удивило, но поговорили да привыкли.

Однажды Велуша, управившись по хозяйству, пошла в деревню родителей попроведать. Истя же дома остался.

К вечеру возвращается Велуша домой, задумалась, мыслями уже о хозяйстве, известное дело, жонка, даже пока с печи летит, семьдесят дел обдумает. Машинально руку протянула, чтобы калитку отворить, а калитки-то нет! И калитки нет, и дома нет, полянка ровная, травой заросшая, а больше ничего, как и не было.

Сколько стояла так Велуша, не помнит. Пришла в себя, что толкает кто-то её. Посмотрела – это их корова из леса, где днём паслась, домой пришла, а дома-то нету. Вот она и давай мычать, да хозяйку в бок толкать, что, мол, за дело такое. Тут хозяйка, по-прежнему в оцепенении, но уже от столбняка очнулась, погнала корову в деревню, завела во двор к родителям, взяла подоюник, корову выдоила, мо-

локо процедила, всё молчком, а как молоко в крынки разлила, так и залилась слезами.

Домашние сначала только дивились, что она с коровой пришла, мол, пусти жонку в Ирий – она и корову за собой ведёт, а тут окружили, давай спрашивать. Велуша рыдает, знамо дело, женский обычай – слезами беде помогать, смогла только выдавить сквозь слёзы, что дом, мол, исчез. Кто-то продолжал расспросы, а самые догадливые бегом к их дому. А дом-то и правда исчез! Никаких следов, и место, где дом стоял, травой поросло. Разговоров много пошло.

Но Велуша, как проплакалась, так в соседнюю деревню побежала. Говорили, что там калика перехожий задержался больного полечить. Она к нему. Послушал её старец, говорит, что не иначе, как Боги шуткуют, у них и спрашивать нужно. И научил, как Чура, Хранителя рода, вызвать. Велуша так и сделала.

Пошла на полянку, где прежде дом стоял, обошла её три раза и три раза произнесла:

– Чур-батюшка, прародитель наш! Выйди ко мне, Чур, хоть добрым молодцем, хоть почтенным старцем. Защити, Чур, свою правнучку Велушу, дай совет, как мужа отыскать и дом вернуть.

Как только в третий раз сказала, смотрит, по тропинке к поляне, где раньше дом был, парень идёт, из себя видный, глаза синие, так и светятся. По глазам и узнала, что Чур это.

В ноги ему низко поклонилась и обсказала, что случилось.

Чур место осмотрел:

– Небывалое дело, – говорит, – чтобы вот так, ни с того, ни с сего, да вышло. Ни светило, ни горело, да вдруг и припекло. Нужно к Сварогу, Отцу Небесному, идти справедливости просить.

– Как же я туда попаду? – засомневалась Велуша.

– Я тебя к сестре своей отправлю, обскажешь всё как есть, она поможет. Скажешь, что я послал. Прямо сейчас и иди. Верстой ближе, пятаком дешевле.

Дал Чур Велуше подвеску-оберег и клубок, чтобы к сестре привёл. И только тут был, а уже и нет, как не был. Осталась Велуша одна, оберег на шею надела поверх одежды, чтобы всякий его видел, а клубок так и рвётся из рук.

Опустила клубок на землю, и только поспевай, ноги передвигай. Оберег здорово помогал. Ни Леший с пути не сбивал, ни Кикимора, ни Анчутка не беспокоили. Даже хищные звери и те с дороги уходили.

Долго ли коротко, но привёл клубок Велушу к избушке в лесу и остановился. Подобрала клубок, осмотрелась. Избушка как избушка, даже и не избушка, а теремок. Взошла она на высокое крылечко, постучала, ответили. Зашла в горницу, а там сидит девица-красавица. Коса до полу вьётся, личико белое, щёчки румяные, губки алые. Загляденье, а не де-

вица. Поклонилась Велуша и говорит:

– Здравствуй, девица-красавица! Не ты ли нашего Чура сестрица?

Внимательно так на неё девица посмотрела, оберег увидела, улыбнулась:

– Так вот какой ты меня видишь: девицей-красавицей! Значит сердце у тебя чистое, а душа открытая! Было бы по-другому, и я тебе другой бы показалась. Ну, рассказывай, зачем братец тебя ко мне прислал и оберег дал.

Рассказала Велуша, как дело было, что Чур посоветовал.

– Да, – подтвердила девица. – Странное это дело. Только Сварог рассудит. Ну, утро вечера мудренее, завтра и отправлю тебя.

Хозяйка баньку истопила, ужином накормила, спать уложила. А наутро про клубок Велуша вспомнила.

– Оставь у себя, – говорит девица, – может, ещё когда захочешь к бабе Яге в гости попасть!

Велуша понять ничего не может.

– Так я баба Яга и есть. А ты, какая сама, такими и людей видишь. Где цветок, там и медок. Потому и помогаю тебе.

Сказано – сделано. И отправила баба Яга Велушу прямым в чертоги Сварога, Отца Небесного.

А что же с нашим Истиславом произошло? Как Велуша родителей попроведать ушла, сам он любимым делом занял-

ся. Решил игрушку смастерить, как мужик с медведем борется. Видел такую как-то на ярмарке. Потянешь планку с одной стороны – медведь мужика ломает, потянешь с другой – мужик наверху.

Вдруг толкнул кто избу. Инструменты попадали, вроде и голова закружилась. Поднял с пола всё, что упало, глянул в окно и обмер!

– Мать честная! Это куда же я попал?

Вышел, огляделся. Вокруг дома высокие, каменные, как бы из гор вырастают. А горы вокруг высокие, вершины белые. Покрывают лесом тёмным, дороги по ним проложены.

Небо ясное, чистое, без туч, но воздух прохладный, зато прозрачный, аж играет радугой на свету. А к дому уже народ бежит. Все смуглые, черноволосые, приземистые, на плечах вроде как одеяла яркие накинута. Толпой перед домом встали.

Истя себе думает: «Попал в волчью стаю, так тоже надо волком выть». Вернулся в дом, снял с полатей одеяло лоскутное, накинута на плечи и вышел к людям. А сам он из себя высокий, лицо чистое, бородка и усы золотистые, волосы белокурые до плеч. Из толпы вышел старик, в узорчатые ткани весь одетый, по локоть в красном золоте, по колено в серебре, на себя показывает, говорит:

– Зелу.

Истя понял так, что он своё имя называет. Шагнул вперёд,

себе на грудь показывает, говорит:

– Истя, – тоже вроде как бы представился.

А старик как закричит:

– Инти! Инти! Инти! – и на колени упал, все другие тоже повалились и начали громко кричать хором:

– Инти! Инти! Инти! – и кланяться земным поклоном.

Истя видит, бить не собираются, осмелел, улыбается и показывает, что встаньте, мол. Куда там! Ещё ниже согнулись, прямо легли на землю. Начали теперь руки к небу поднимать и кричать по-прежнему:

– Инти! Инти! Инти!

Тут несут на руках старца, усохшего и белого от старости. Сидение ему устроено, с резной богатой спинкой. Старик смотрит прямо в глаза Исте, и Истя вдруг понимает, что старик спрашивает его имя, но рот старика закрыт и губы не шевелятся, а голос прямо в голове звучит.

– Я Истя, – отвечает, – а ты кто?

– Я – Виракога, Верховный жрец.

– Здравствовать тебе многие лета, Виракога, Верховный жрец! – вежливо отвечает Истя.

– Откуда ты? – слышит вопрос.

– Из дома, – коротко отвечает Истя.

– Ты Бог? – конкретно спрашивает старик.

– Его внук, – отвечает Истя, считающий себя, как и все в деревне, Сварожичем, внуком Дажьбога и правнуком Сварога.

– Есть ещё Боги?

– Да. Сварог, Небесный Отец, Лада, Небесная Мать, Дивия, Богиня Луны, Макошь, Богиня Судьбы. Есть и другие Боги.

А сам показывает знаки, обереги Богов, вырезанные на фасаде дома, объясняет, это, мол, этого Бога знак, а это – вот этого. Всё показал, объяснил.

Старец помолчал, потом неожиданно спросил:

– Надолго к нам?

– Как получится, – искренне отвечает Истя.

– Тогда прими наши подарки для себя и других Богов.

Что-то ещё сказал, как приказ отдал. И началось! С поклонами понесли и стали складывать во дворе всякие невиданные фрукты и овощи, жаренных на огне птиц, завёрнутых в широкие листья каких-то растений, сосуды с напитками, ткани всяких сортов, выделанные пушистые шкуры каких-то животных, золотыми украшениями целый угол завалили, даже собаку белую и с необыкновенными голубыми глазами привязали в сторонке. Истя только удивлялся и благодарил, и отдаривал своими резными поделками, которых много накопилось, чем, в свою очередь, очень удивлял людей.

Заиграли в дудки, забили в барабаны, люди встали в круг, стали вокруг избы ходить и петь. Но, надо сказать, песни их показались Исте очень уж печальными.

– Ну-ка, знай наших!

Истя взял у одного бубен и под этот бубен оторвал весёлый перепляс, как бывало на посиделках:

– Эх, бей трепака, не жалея каблука!

А потом вдарил частушками:

Сидит Ванька у ворот,
Широко разинув рот,
А народ не разберёт,
Где ворота, а где рот.

А сам в пляс, да вприсядку, да с посвистом, да с покриком:

Эх, ма! Эх, ма! Да не дома!

И опять частушки, одна за другой:

Мне не кашивать, не кашивать
На Паленьге-реке.
Мне не нашивать, не нашивать
Колечко на руке.

Снова весёлый перепляс, да пятками перестук! А музыканты подхватили напев, мигом пристроились под незнакомый лад, и пошло веселье! Выпевают даже, что-то очень похожее на частушки. Но ночь наступила как-то очень быстро, солнце зашло, и все быстренько, кланяясь и всячески выражая свой восторг, удалились. А новоявленный Бог Солнца

Инти, полный впечатлений, отправился на покой. Но уснуть долго не удавалось. Мысли, которые он отгонял днём, стали толпиться в голове, требуя ответа. Измученный Истя задремал лишь под утро.

А в это время сестра Чура отворила перед Велушей маленькую дверцу в задней стене избы, слегка пригнула ей голову и легонько толкнула в спину.

– Входи.

Велуша шагнула, подняла голову и обомлела:

– Батюшки-светы! Да куда ж это я попала!

Но жонка она была не из робких, быстро в себя пришла, огляделась. Горн полыхает, рыжий, как огонь, парень железо в горне калит, а другой парень рядом меха раздувает. Мужик постарше тяжёлым молотом ударяет по наковальне и споро куёт булатный плуг.

Всё как в их деревенской кузне. Но стены как-то странно мерцают, то изгибаются, то совсем прозрачными делаются, а крыша-то совсем и не крыша, а небесный свод. Солнце и Луна рядом, звёзды ярко светят.

«Да это ж я в Небесную кузню попала! – догадалась Велуша. – А кузнец-то сам Сварог, Небесный Отец!»

Вгляделась ещё: «Да, точно он! Вот и наковальня волшебная, Алатырь-камень. А искры-то как летят! Да это же божьи искры на землю летят, в сердца людские попадают. Вот чудеса-то, всё как Волхв объяснял! А парни кто тогда? Ры-

жий – точно Сварожич, Бог Огня Семаргл, а меха тогда кто раздувает?

Не иначе, как Стрибог-Ветроудуй!» Велуша и не заметила, как сама с собой заговорила. На её голос обернулся парень у горна:

– Отец, к нам гостя.

Сварог отложил молот, ладонью утёр пот со лба, скинул очелье, удерживающее волосы, кивнул сыну:

– Подай воды!

Тот кинулся к полке, достал жбан, протянул отцу.

– Эх, зря мы вчера с Велесом чуть увлеклись, долго засиделись, не выспался!

Перевёл глаза на Велушу:

– Что случилось, внученька? Сказывай, милая.

Велуша моргнула, встряхнулась и затараторила:

– Сварог-батюшка, домой вернулась, мужа нет, дома нет, никто не знает. А Чур говорит, Сварог всё знает, клубок дал, сестра Чура тоже говорит, к Сварогу надо...

Она что-то ещё говорила, повторяла, снова повторяла. Но Сварог уже своё думал.

– Так говоришь, Чур оберег дал, ко мне посоветовал обратиться, а баба Яга сюда переправила? – недоверчиво переспросил Сварог, разглядывая Велушу, – жонка как жонка. «Какое может быть такое дело, что оба они её ко мне направили? Ну что ж, придётся этим заняться», – ворчливо ду-



Сварог с утра был не в лучшем настроении.

Потом тряхнул головой, словно отмёл все сомнения, взял Велушу за руку и провёл в горницу. Сыновья Семаргл и Стрибог вошли следом.

Сварог достал из сундука вроде как скатерть, расстелил на столе:

– А вот сейчас и посмотрим, где этот дом находится!

Велуша присмотрелась и ахнула. На скатерти этой всё обозначено было: и каждый дом в их деревне, и каждое деревце в лесу. Да не просто обозначено, а всё как настоящее! А пригляделась ещё, не удержалась и вскрикнула:

– Батюшки-светы! Так там же всё живьём. Вон бабы у колодца толкуются, видать, меня обсуждают, а вон коровы к лесу пастись потянулись!

– Ну, – спрашивает её Сварог. – Так где ж твой дом?

Глянула Велуша, пальцем на полу ткнула:

– Вот тут был...

– Не ошибаешься? Гляди хорошо! – прикрикнул Сварог. А сам думает: «Это что же такое делается! Без моего ведома, без моего позволения дома начали исчезать неизвестно куда! Ну, получит кто-то на орехи!»

Велуше же спокойно так говорит:

– Сейчас тебя проводят, отдохнёшь, перекусишь, а я тут поспрашиваю кое-кого, куда могли дом задевать.

Жонка возражать не смеет, хотя ей страсть хочется послу-

шать, как дело будет поворачиваться. А Сварог присел и попытался спокойно всё обдумать.

– Так. Вчера с Велесом мы скотину подсчитывали в этой деревне. Позвать сюда Велеса.

Пришёл Велес. Рассказал ему Сварог про невиданное, а, главное, бессмысленное дело – исчезновение дома.

– Экие вести! Украл вор петуха с насести!

И начал хитроумный Велес обкручивать со всех сторон, кому бы это нужно было. Вышло – никому. Значит, случайность. Стал случайности перебирать. Кто мог случайно забрать, передвинуть, скинуть, закинуть. Случайно всё могло произойти и с непредсказуемыми последствиями выйти. Главное теперь – определить, кто заходил, забегал, заползал, пока доступ был открыт. Стали вспоминать и звать для дознания. Всех позвали, никто ничего не помнит, не знает.

Потом кто-то вспомнил:

– А нянька-то с внучком Сварога заходила, чтоб внук с дедом поздоровался!

Эту версию сразу отвергли – мотива нет няньке дом со стола украсть.

– Стоп, стоп, стоп! – воскликнул многодетный Сварог. – А про внучка-то забыли? Эти пострельцы всё могут.

Позвали няньку, стали спрашивать, не появилась ли

у мальчика новая игрушка.

– Нет, – говорит, – не видела.

– Ну, всё, – говорит Велес. – Куда ни кинь – всюду клин!

Но нужно и мальчика поспрашивать, тоже тут находился.

Все засмеялись, думают, пошутил Велес. Но у Сварога ум быстрый был, кивнул няньке, принеси, мол, мальчика. Та принесла.

– Опустит на пол.

А малыш, как только его опустили на пол, быстро-быстро пополз, к деду под лежанку залез да и вылезает оттуда с домиком в руке. Сел и любуется новой игрушкой. Все так и ахнули. Это он, видать, как с дедом обнимался, одной рукой со стола домик и ухватил, а потом нечаянно выронил. Но за-приметил, куда игрушка закатилась. И вот, пострелец, про новую игрушку сразу вспомнил, да и полез доставать.

Уговорил дед его дать посмотреть домик, да и поставил на место. А мальчика велел быстренько унести. Такую причину пропажи дома в секрете нужно держать. Нельзя, чтобы над Богами смеялись!

Позвали Велушу. Она, хоть и приняли её со всем уважением, совсем уже извелась. Бегом бежит, издалека спрашивает:

– Нашли Истю?

– Так ты о муже спрашиваешь или о доме? – по голосу чувствует Велуша, что всё в порядке, шутит уже Сварог.

– Без мужа дома не бывает, – нашла в себе силы тоже отшутиться.

– Тогда смотри, на месте ли стоит?

Глянула Велуша – стоит домик-то! Ну и залилась слезами, теперь уже от радости. Верно говорят – иной пляшет, иной плачет.

– А как же я теперь домой попаду? – совсем осмелела Велуша.

– Ну, с этим проблем не будет.

И велел Сварог птице Алканост, вестнице Богов, доставить Велушу прямо к дому. Что тут же и исполнила райская птица.

А Истя проснулся от того, что свалился на пол. Дом качало и трясло. Истя изо всех сил вцепился в пол, чтобы не катало его туда-сюда. Потом сильный толчок, и всё стихло. Полежал Истя немного, прислушался. Где-то во дворе собака подвывает.

– У нас же нет собаки, – удивился. И вдруг всё вспомнил, но подумал, что сон приснился.

– Надо же, наснитя всякое. А куда Велуша запропастилась? – мысли по-прежнему скачут, в себя никак не придёт.

Вышел во двор. А там чужое добро всё поперемешано, собака на привязи мечется, всё, что могло разбиться, разбилось, всё, что могло перепачкаться, выпачкано. Отвязал он собаку, приласкал и тут только всё вспомнил. Выбежал

со двора, глянул – всё своё родное. Чуть не заплакал от радости. Вдруг чья-то тень солнце закрыла.

Глянул – птица гигантская опускается перед домом, а на птице его жена Велуша сидит. Опустилась птица, Велуша соскользнула с её спины, чинно поблагодарила, дождалась, когда птица взлетела, только тогда к мужу кинулась. А он как остолбенел.

– Что же это делается на белом свете! Мало того, что меня где-то носит, так ещё и жена на птице раскатывается!

Но мало-помалу разобрались во всём, рассказали друг другу о своих приключениях, а тут и народ начал подтягиваться. Заморских угощений всем хватило, не всё пролилось да выпачкалось. А подарками Истя деревенских всех одарил и Богам на капище требу принёс.

Мало-помалу забылось всё, о чудесной пропаже вспоминали всё реже и реже, только глядя на белоснежных собак, которые стали рождаться от местных, вспоминали иногда о необыкновенном исчезновении дома.

– Но вот, что интересно! – добавил дед Матвей. – Никто даже вопроса не задал, а с чего это вдруг дом взял и улетел за тридевять земель? Да потому что чудо – это всегда чудо, без всяких там догадок и объяснений. Чудеса всегда были и будут в нашей жизни. И принимать их надо с благодарностью.

ЛЕГЕНДА О ГОРЕ КАРАСОВА

– Вы слышали, будто гора Карасова опять качается? – спросил дед Матвей на нашей очередной вечерней посиделке.

– А где это? – вяло поинтересовался я.

– Да недалеко от нас, тут, в Архангельской области около Няндомы, там озеро, а рядом песчаная гора.

– И что, правда, качается? – так же вяло допытывался я.

– А что ж ей не качаться, когда на ней заклиние лежит... – многозначительно произнёс дед Матвей. Меня как подбросило. Куда девалась дремота, одолевавшая после дня работы на свежем воздухе и сытного ужина. Заклиния, волшебство, древние времена, древние Боги. Так полюбившиеся мне «преданья старины глубокой». Дед, увидев мой неподдельный интерес, и сам приободрился. Очень уж льстила ему роль кота-Баюна.

– *А дело было так*, – произнёс он свою неизменную фразу-зачин.

ЛЕГЕНДА
О ГОРЕ КАРАСОВА



В давние-давние времена, даже и старики не упомянут, когда это было, а скорее всего тогда, когда и людей-то ещё было немного, да и Богов-то было совсем ничего, и заняты они

были светлыми делами – огонь высекали, воду по низинам разливали, обустроивали землю для жизни удобной.

В те времена на востоке, за высокими горами собирал своё войско лютый Скипер-зверь. Сам он был велик и страшен, пасть, что в пекло дверь. Рогами он тучи сшибал и по своду небесному шаркал. Шерсть на нём была медная, рога и копыта булатные, руки-ноги – столбы в три обхвата. Как бежал Скипер, лютый зверь – Мать – сыра Земля колыхалась, в море синем вода взбаламучивалась, а крутые берега шатались.

Войско же он начал собирать вот по какой причине. Както вздумалось ему в Будущее заглянуть. Известно, любопытство до добра не доводит, но собрал он своих колдунов чёрных и велел им узнать, что сбудется с ним в жизни. Для чёрных колдунов это дело привычное. Любопытных много.

Взяли колдуны чёрного петуха и стали его внутренности изучать, Будущее читать. А увидели они гибель Чёрного Скипер-зверя. Побоялись они это Будущее хозяину своему сообщить, решили проверить, не ошиблись ли.

Дождались, когда настало время Чёрной Луны, взяли чёрного телёнка и стали смотреть, что показывает печень у этого телёнка. Увидели, что не ошиблись, даже имя, из-за кого Владыка гибель свою найдёт, узнали. Никто не осмелился к хозяину с докладом идти. А тот уже сердится, поторапливает. Колдуны же отговариваются, что, мол, духи враждебные вмешиваются, ответы противоречивые подкидыва-

ют. Нужно момент благоприятный выбрать. Дал им ещё время Скипер-зверь.

Дождались колдуны момента, когда светлый лик Хорса, Бога Солнца, был закрыт тенью тёмной, привели жеребца-трёхлетку чёрной масти, без единого белого пятнышка, прочитали заклинания, достали сердце этого жеребца и стали смотреть, каким будет Будущее Скипер-зверя. Всё сошлось.

И в первый раз, и во второй, и в третий было видно, что придёт погибель Скипер-зверю. Но ещё прочитали они, что ребёнок этот ещё только должен родиться от Сварога и Лады, Светлых Богов, и назовут его Перун. Бросили жребий, кто пойдёт Владыке докладывать.

Выслушал Скипер-зверь предсказание. Вестника, принёсшего эту плохую весть, как было принято, казнили. Но знал вестник, что этим закончится, смерть принял достойно.

Вчера, как говорится, не догонишь, а от завтра не уйдёшь. А Скипер-зверь впал было в гнев, но, сорвав злобу на вестнике, ну и ещё на десятке-другом слуг, подвернувшихся Скиперу в недобрый для себя час, стал думать, что делать дальше. Позвал Советника. А Советник не зря столько времени у Скипера в советниках был и жив до сих пор остался, ум имел гибкий и быстрый. Он и говорит Владыке: – Нужно войско собрать и идти войной, захватить всю Явь. А как родится этот, как там сказали, его зовут?

– Перун, сын Сварога и Лады, – буркнул Скипер, а Советник про себя подумал: «Эко его прихватило, даже имя запомнил!» Но вслух, конечно, эту мысль не высказал, а продолжил:

– А когда этот Перун родится, убить младенца будет легче лёгкого. И когда ещё новый Перун сможет народиться! Узнаем, убьём и его! Весна да лето, пройдёт и это.

Скипер-зверь расслабился, успокоился. И стал собирать войско. Воевать – это было так привычно, знакомо и без всяких там неожиданностей, вроде народившегося Перуна. Что там ещё будет, неизвестно. Бабка ворожила, да надвое положила.

Собрал Скипер-зверь войско и ринулся Явь завоёвывать, как раз накануне летнего Солнцеворота. Хлынуло это навье войско из-за высоких гор, захватило весь подсолнечный мир. Сварога и жену его Ладу он не нашёл, они в это время отсутствовали, а захватил их трёх дочерей – Лёлю, Живу и Морену. Отнёс их в свои чёрные земли, да и превратил в чудовищ. А сам стал ждать, когда же Перун родится. И вот дошли до него слухи, что родился новый Светлый Бог Перун.

– Ну, всё! Пора меры принимать! – решил Скипер-зверь.

Ринулся он со своей чёрной сворой разыскивать предсказанного мальчика. И увидел, как у светлой речки, у белого камешка сидит малый ребёнок, но поигрывает он стопудовой

палицей. Жеребёнок тут же рядом скачет. Мальчик несколько не испугался, а только хмуро на Скипер-зверь поглядел.

«Ого, какой богатырь подрастает! Его в голую горсть не возьмёшь и сразу не похоронишь», – что-то ёкнуло при виде этого ребёнка в груди у Скипер-зверь.

Чувство какое-то появилось незнакомое – то ли страх, что предсказание верное, то ли желание такого будущего богатыря к себе взять, превратить в чудище и вырастить из него верного слугу, как сделал он это с его сёстрами. Разбираться со своими чувствами непривычен был Зверь, поэтому напрямую спросил:

– Ты Перун, сын Сварога и Лады?

Кивнул головой в ответ Перун.

– Отрекись, Перун, от отца своего, поклонись, Перун, Скиперу. Будешь мне верным слугою, озолочу!

Но молодецкое сердце не уклончивое. Перун так ответил Скиперу:

– Я не буду служить тебе, Зверю Чёрному! Я рождён, по велению Богини Макоши, чтобы тебя, Скипер-зверь, победить в честном бою.

Не привык Скипер-зверь, чтобы ему так отвечали, взбеленился он и крепко осерчал. И велел он зарубить Перуна мечом. Кинулись слуги исполнять приказ, но только лезвия у их мечей затупились, ничего Перуну не сделалось, потому что Сварог, Отец Небесный, закалил тело Перуна в своей

небесной кузнице. Велел тогда Скипер-зверь привязать Перуна к тяжёлому камню и бросить в море. Но море не приняло Перуна, сына Отца Небесного, плавает Перун поверх воды.

– Видно, ничем его не возьмёшь! – исходится гневной слюной Скипер-зверь. – Ну, не мытьём, так катаньем, но избавлюсь я от тебя, вражий ты гадёныш!

И велел Скипер закопать ребёнка. Тотчас выкопали слуги яму, сколотили гроб дубовый, положили туда Перуна, а гроб кинули в яму. А яма та была не меньше сорока сажень глубиной и сажень двадцать пять шириной.

Закрыли ту яму досками железными, заперли засовами всяческими, а поверх положили дубовые щиты и заколотили их сверху ещё обручами железными. А сверху насыпали песок.

Этот песок Скипер-зверь сам разравнивал, притаптывал и, радуясь безмерно, приговаривал:

– Не видать тебе, Перун, света белого и солнца красного!

Затоптали, сравняли с землёй яму, куда кинули Перуна. Велели траве дурной на том месте вырасти и скрыть это место от всяких глаз. Чтобы никто об этом и не сказывал, никто о том и не допытывался. Триста лет и три года мать Перуна, Ладушка, могучей птицей Матерью Сва летала по поднебесью, искала своих детей. Что дочки в чудища Зверем превращены, узнала она, а сыночка нет нигде. Поняла Ладушка,

что одной ей никак не справиться, не найти сынка. Позвала она на помощь Сварога, Отца Небесного, чтобы тот отправил своих братьев да сыновей найти Перуна.

Тотчас прилетели три могучие птицы, ударились грудью о землю и обернулись в грозных Богов: птица печали Сирин обернулась Велесом, Алконост, птица божья – Хорсом, Богом Солнца, а птица Гамаюн, вестник Богов – Стрибогом могучим, Богом Ветров. Стрибог был брат Перуну, а Хорс и Велес – родные дядьки.

Задумались Боги, где же им искать брата, если Мать Сва за триста лет всё на небе, в море и на земле осмотрела. Но тут хитроумный Велес предложил:

– Давайте-ка, спросим у Бури, волшебного коня Перуна, которого ему отец подарил. Он до сих пор без хозяина мается, никого к себе не допускает.

Велесу подчинялись все птицы и звери Яви. А домашние животные служили ему и были под его защитой. Свистнул Велес по-особому, призвал Бурю-коня. Конь бежит, земля дрожит, из ноздрей дым идёт, из ушей пламя пышет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.